

Митина Дарья. У него было обостренное чувство справедливости

В далеком 1992, когда все валилось и рушилось, мне выпало учиться на втором курсе истфака МГУ. Основные очаги сопротивления формировались именно в университете. Возрожденный комсомол Игоря Малярова, студенческие профсоюзы, включая самый яркий и радикальный – «Студенческую защиту», – все это варилось в гуманитарных корпусах университета. Именно тогда на каком-то шумном собрании по поводу очередного бюрократического наезда на нашу студенческую вольницу Игорь Маляров познакомил меня с высоким парнем, длинные волосы которого были забраны в хвост. Внешне он никак не контрастировал с остальными студюозусами в арафатках – был весел, смешлив и производил приятное впечатление доброжелательного раздолбая. Но когда он начинал говорить, все внезапно притихали и слушали. Звали этого парня Станислав Маркелов.

Несмотря на этакий легкомысленный облик, он говорил очень серьезные вещи: предупреждал нас о риске, которому мы подвергаемся, объяснял, как надо себя вести, чтобы, с одной стороны, нас не переловили поодиночке, а с другой – чтобы нам, гордым карбонариям, было не стыдно перед самими собой и друг перед другом. И хотя он не был «универовским» и учился в Московской юридической академии, а кроме того, был на целый год меня моложе (все знают, что второкурсник всегда внимает первокурснику с легким оттенком презрения), я его слушала с полураскрытым ртом. Удивительно обаятельный был человек.

«Студенческая защита» разрасталась и крепла с каждым днем, громко заявляли о себе новые отделения в разных вузах, разных городах, шли многолюдные протестные акции против коммерциализации высших учебных заведений, наступления на права студентов, и Стас Маркелов взял на себя, пожалуй, самое трудное и неблагодарное дело – юридическую помощь. Тогда еще не было мобильных, Интернета и электронной почты, но в студенческой среде фамилия Маркелова была на слуху. Помню, как во время многочисленной студенческой демонстрации 12 апреля 1994 года¹ в Москве задержали многих наших ребят, помню, как Стас выковыривал нас из обезьянников буквально по одному, а потом еще и ухитрился превратить в ад жизнь главного московского эмвэдэшного начальника, настояв на судебном разбирательстве.

1 В этот день официальная Ассоциация профсоюзных объединений студентов (РАПОС) проводила разрешенный пикет у Белого дома. Пикет превратился в митинг и шествие по

Новому Арбату до Кремля. Студенты были остановлены и рассеяны только у Александровского сада и Красной пл. Десятки человек были избиты, 9 – задержаны. Эти события инициировали учредительную конференцию профсоюза «Студзащита» (16 апреля 1994 г.). 12 апреля 1995 г. состоялась вторая крупная студенческая манифестация от Белого дома к Кремлю. Участники, в том числе и Маркелов, были жестоко избиты милицией.

Стас, в общем, не был ни левым, ни правым – у него было особое правосознание, свойственное только профессиональным юристам, и, как ни банально это звучит, обостренное чувство справедливости. К нему обращались за помощью все – от разношерстных комсомольцев до членов Демсоюза Новодворской. Я не люблю слово «правозащитник»: у нас оно, к сожалению, изгажено разными недобросовестными спекулянтами, но Стас Маркелов был настоящим правозащитником в первоначальном значении этого слова. На его содействие и сочувствие можно было рассчитывать каждому, в отношении кого была допущена несправедливость. Неважно, с чьей стороны была допущена эта несправедливость – государства, вузовской администрации, ретивого омоновца, мироедаработодателя – Стас помогал всем.

После блестящего окончания академии буквально через год он стал членом Межреспубликанской коллегии адвокатов... Основанный им Институт верховенства права, не плативший сотрудникам зарплату, впрягался в дела, где на кону были миллионы.

Таких юристов, как Станислав, пожалуй, можно пересчитать по пальцам одной руки. Мне лично известно две-три фамилии. С проклятого 19 января 2009 года из этого списка исчезла фамилия Маркелов... Когда перечитываешь список дел, которые вел Станислав, диву даешься, насколько изобретательна наша власть в союзе с коррумпированными бандюками на разнообразные гнусности. Стас много сделал для того, чтобы комсомолку Ларису Романову, осужденную по абсурдному обвинению в терроризме, родившую в зоне ребенка, отпустили досрочно. Девушка ни за что ни про что отсидела 5 лет.

Защита уволенных с предприятий, борьба за рабочих Выборгского ЦБК, помощь пострадавшим от элитной застройки, выселяемым из студенческих общежитий, защита журналистов, страдающих от самодурства региональных феодалов, – он не боялся ни юридических сложностей, ни преследования, ни угроз. А угрозы Стас начал получать буквально с первых месяцев своей правозащитной деятельности. Если честно, я с трудом понимала, как ему удается улыбаться и сохранять такой заразительный оптимизм. Обычно так ведут себя люди, у которых напрочь отсутствует чувство опасности и инстинкт самосохранения. Тем не менее если внимательно почитать и послушать выступления Маркелова, понимаешь, что он абсолютно ясно осознавал, во что он впрягается и чем это чревато. Просто он не мог по-другому; иначе это был бы уже не он...

В последние годы Стас активно работал с левой оппозицией: готовил не только акции протеста, но и альтернативные законопроекты, конференции, консультировал региональных активистов, был одним из главных организаторов российских и европейских социальных форумов. На последний Европейский социальный форум Стас поехал во главе делегации юристов Института, и с первого же дня, что называется, нашел себе «подработку по специальности». От мирных, вялых российских анархистов анархисты европейские

отличаются весьма боевитым характером, так что в первый же день Форума некоторых «повязали». Стас, взяв под руку двоих шведских дедушек-юристов, отправился в полицейский участок, и через несколько часов ребята были отпущены. Помню, как на антикапиталистической манифестации в Мальме, тщетно пробуя перекричать демонстрантов и громкоговорители, у него пыталась взять интервью симпатичная молоденькая девушка-корреспондент – тогда я еще не знала, что ее зовут Настя Бабурова...

Я не могу отойти от шока. Последний раз я видела Станислава за несколько дней до Нового года. Мы планировали совместную конференцию, которая должна пройти по инициативе Левого Фронта. Стас должен был вести отдельную секцию, взвалил на себя, как всегда, очень много. Когда я увидела это проклятое сообщение в новостях, первой мыслью было, что это какая-то ошибка. Именно в такие моменты понимаешь всю глупость и несправедливость фразы, будто незаменимых людей нет. Есть, еще как есть незаменимые! На прощании со Станиславом и Настей, проходившем на месте их убийства, я слышала характерный диалог: «Привет, вот уж кого не ожидал увидеть... Вы с ним разве знакомы были?» – «Да! В октябре 1993-го мы с ним раненых вытаскивали, а потом Стас нас на ночь к себе в квартиру забрал, чужую кровь смывать...» Было ему тогда, напоминаю, 19 лет.

До сих пор хочется набрать номер его мобильного и услышать бодрый голос: «Привет, я не в Москве, если все пройдет нормально, вернусь к концу недели...» У него осталось двое малышей, четырех и двух лет. Когда они вырастут, то обязательно поймут, что их отец был достойным человеком, ведь сотни людей смогут рассказать об этом...1

Версия #1

Зверобой создал 16 апреля 2025 01:42:43

Зверобой обновил 16 апреля 2025 01:45:27